

УДК 32.019.51

DOI: 10.26140/anie-2021-1002-0090

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ФЕНОМЕН ПУБЛИЧНОЙ СЛУЖБЫ В КОНТЕКСТЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

© Автор(ы) 2021

SPIN-код: 1534-5507

Author ID: 620388

ORCID: 0000-0001-8706-652

Researcher ID: AAT-3752-2020

ДЕНИСОВ Юрий Петрович, кандидат политических наук, доцент кафедры административного и финансового права
Сибирский юридический университет
(644099, Россия, Омск, ул. Короленко, 12, e-mail: yurden1984@yandex.ru)

SPIN-код: 7988-4675

Author ID: 593591

СТАУРСКИЙ Евгений Станиславович, кандидат технических наук, доцент кафедры экономической теории и финансового права

Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации
(644092, Россия, Омск, пр. Комарова, 12, e-mail: ses-qg@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена осмыслению трансформации феномена публичной службы в контексте социально-политических процессов последних четырёх десятилетий. Процесс трансформации феномена публичной службы рассматривается как динамический целостный комплекс, совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов, образующих единое целое. Основываясь на системном подходе, авторы исследуют содержание данного процесса и выявляют вектор его развития. Анализируя трансформацию феномена публичной службы в русле модели «New Public Management», авторы констатируют складывание сервисно-менеджеральной системы, ориентирующей публичного служащего на оказание услуг, ставящей во главу угла результат его деятельности, измеряемый в категориях рыночной эффективности, и способствующей делегированию функций публичной службы от государственных служащих акторам из негосударственных секторов. Вместе с тем авторы вынуждены отметить, что несмотря на то, что функционирование данной модели публичной службы в целом позволило повысить её эффективность и сделать процесс более многоакторным, оно породило провалы в решении социальных проблем, эрозию роли государственной службы в обществе, сложности с учётом институционального и социокультурного контекста. По мнению авторов, осознание недостатков системы публичной службы, построенной на основе концепции «New Public Management» привело к её интенсивному синтезу с моделью, базирующейся на концепции «Good Governance». Данная модель носила более партисипаторный и инклюзивный характер, ориентировалась в рамках публичной службы не столько на оказание рыночных услуг, сколько на сотрудничество и включение в процесс реализации публичной службы различных участников социально-политического и экономического пространства. Мощные технологические сдвиги, выразившиеся в диджитализации и сетивизации политических процессов и управленческих практик, значительно усилили партисипаторный вектор, открыв обширные возможности для включения и инклюзивного функционирования в системе публичной службы широкого круга экономических агентов, институтов гражданского общества, социальных групп и отдельных индивидов. Однако в результате авторы приходят к выводам о том, что данный вектор не нивелирует роль государства и государственной службы в системе публичного управления. Он расширяет пределы феномена публичной службы и остро высвечивает потребность в выработке единых правовых и этических норм и институтов, регулирующих деятельность всех акторов, участвующих в реализации современного механизма публичной службы.

Ключевые слова: публичная служба, публичная власть, публичное управление, административно-политические трансформации, политические процессы, административное реформирование, политические институты, модели управления, политические технологии, «New Public Management», «Good Governance», «Digital Era Governance».

THE PHENOMENON OF PUBLIC AUTHORITY IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY TRANSFORMATION PROCESSES

© The Author(s) 2021

DENISOV Yury Petrovich, candidate of political sciences, associate professor of the Department of Administrative and financial law
Siberian Law University

(644099, Russia, Omsk, Korolenko St., 12, e-mail: yurden1984@yandex.ru)

STAURSKY Evgeny Stanislavovich, candidate of technical sciences, associate professor of the Department economic theory and financial law

Omsk Academy of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation
(644099, Russia, Omsk, Komarova Ave., 12, e-mail: ses-qg@yandex.ru)

Abstract. The article is devoted to understanding the transformation of the phenomenon of public service in the context of socio-political processes of the last four decades. The process of transformation of the public service phenomenon is considered as a dynamic integral complex, a set of interrelated and interacting elements that form a single whole. Based on a systematic approach, the authors investigate the content of this process and identify the vector of its development. Analyzing the transformation of the public service phenomenon in line with the “New Public Management” model, the authors state the formation of a service-management system that orients the public servant to the provision of services, prioritizes the result of his activities, measured in terms of market efficiency, and promotes the delegation of public service functions from public servants to actors from non-state sectors. At the same time, the authors are forced to note that despite the fact that the functioning of this model of public service as a whole allowed to increase its effectiveness and make the process more multi-factor, it gave rise to failures in solving social problems, erosion of the role of public service in society, difficulties in taking into account the institutional and socio-cultural context. According to the authors, awareness of the shortcomings of the public service system based on the concept of “New Public Management” led to its intensive synthesis with the model based on the concept of “Good Governance”. This model was more participatory and inclusive, focused within the framework of the public service not so much on the provision of market services, but on cooperation and inclusion in the process of implementing the public service of various participants in the socio-political and economic space. Powerful technological

shifts, expressed in the digitalization and netivization of political processes and management practices, have significantly strengthened the participatory vector, opening extensive opportunities for the inclusion and inclusive functioning of a wide range of economic agents, civil society institutions, social groups and individuals in the public service system. However, as a result, the authors come to the conclusion that this vector does not level the role of the state and public service in the system of public administration. It expands the limits of the phenomenon of public service and highlights the need to develop common legal and ethical norms and institutions that regulate the activities of all actors involved in the implementation of the modern mechanism of public service.

Keywords: public service, public authority, public administration, administrative and political transformations, political processes, administrative reform, political institutions, management models, political technologies, «New Public Management», «Good Governance», «Digital Era Governance».

ВВЕДЕНИЕ

Происходящие на наших глазах трансформации системы публичного управления Российской Федерации, сопряжённые во многом с конституционным закреплением категории «публичная власть», глобальные вызовы пандемии COVID-19, нарастающие в целом ряде стран и регионов протестные настроения, кризисные явления в политических системах, дисфункции реализуемых управленческих моделей диктуют нам острый социально-политический заказ на исследование механизма осуществления публичной власти и публичного управления. Данный заказ лишь усиливается по мере тотальной цифровизации всех политических институтов и политических процессов, неизбежно влекущей за собой их трансформацию. Вместе с тем М. Вебер писал о том, что реализация публичной власти в рыночных условиях предполагает «наличие с точки зрения техники управления строго рационального и четко функционирующего (а это значит, бюрократического) управленческого механизма». [1, с. 34]. Стержневую основу публичной власти во многом составляет публичная служба, на которой держится вся публично-властная конструкция и посредством которой она реализуется. Подходы к осмыслению публичной службы в политической и управленческой мысли последних десятилетий отнюдь не стагнировали. Они также переживали трансформации вместе с политическими и управленческими практиками.

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель проведённого нами исследования заключается в анализе процесса трансформации феномена публичной службы и выявлении вектора его развития. Данное исследование базируется на системном подходе. Он позволяет рассмотреть процесс трансформации феномена публичной службы как динамический целостный комплекс, совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов, образующих единое целое. В ходе исследования нами были осуществлены сбор, анализ, синтез и обработка информации. При этом процесс трансформации феномена публичной службы мы исследовали в исторической ретроспективе, охватив последние два десятилетия прошлого века и первые два десятилетия нашего столетия.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Понятие «публичная служба» («public service») достаточно глубоко укоренено в мировом политико-правовом дискурсе. В частности, его можно встретить в статье 60 Конвенции Организации Объединённых Наций против коррупции, являющейся приложением к резолюции 58/4, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 года. [2]. Активно используется данная категория и в политико-правовом пространстве Европейского Союза. Известный французский учёный, профессор Ж. Гуглиelmi пишет, что «в праве Европейского союза понятие публичной службы было воспринято договорами, начиная с Римского договора 1957 г. и заканчивая ТУЕ (Договором о Европейском союзе)... Оно было признано Амстердамским договором как общая ценность Союза и в этом качестве подтверждено Хартией основных прав Европейского союза». [3, с. 14]. При этом, как отмечает Ю. Н. Стариков, «особенности публичной службы и служебного права европейских государств во многом одинаково выражены в национальном законодательстве». [4, с. 103]. По сути, публичная служба во многом представляет

собой профессиональную деятельность, направленную на оказание социально значимых услуг, и в значительной степени ассоциируется с реализацией функций государства и местного самоуправления и функционированием чётко выстроенной иерархии бюрократического аппарата.

Вместе с тем в последние два десятилетия XX века и в первые два десятилетия XXI века содержание феномена публичной службы подвергается существенной трансформации. Ряд экспертов связывает данные трансформационные процессы с административными реформами, развернувшимися в 80-90-е годы XX века, в Великобритании, Новой Зеландии, Австралии, США, Канаде. [5, с. 47]. Их реализация осуществлялась в русле концепции нового публичного менеджмента (New Public Management), оформившейся в 90-е годы прошлого столетия. В её рамках перед государственными управлениями была поставлена задача либо найти новые эффективные и новаторские пути достижения результатов, либо делегировать в частные руки функции, ранее выполняемые государством. Как пишут Джанет и Роберт Денхардт, государственных менеджеров призвали «управлять, а не грести» («steer, not row»). Это означает, что «они не должны брать на себя бремя предоставления услуг сами, но, где это возможно, должны определять программы, которые затем будут выполняться другими, посредством заключения контрактов или других подобных соглашений. Ключевым моментом является то, что новое государственное управление в значительной степени опирается на рыночные механизмы для руководства государственными программами». [6, с. 13]. Публичная служба в данном контексте всё в большей степени стала ориентированной на оказание услуг населению в условиях рыночной экономики. Распространение получил менеджерский подход к государственному управлению и сервисная модель взаимоотношений органов публичной власти и общества. В сфере реформирования государственной службы ключевыми оказались четыре аспекта: переход от стабильной занятости к временным проектным командам; переход от оплаты в соответствии со стажем и должностью к оплате по результатам выполнения целевых показателей на основе заключения эффективного контракта; поощрение перехода кадров между государственной службой и бизнесом; смещение фокуса контроля с процедур на результаты деятельности. [7, с. 59]. С внедрением концепции NPM в систему публичной службы бюрократическая модель контроля и подотчётности с её принципами иерархии и разделения внутренних и внешних функций перестала рассматриваться как аксиоматичная. [8, с. 108]. В основу работы публичного служащего и публичной службы легло семь принципов: «служить, а не управлять»; «общественный интерес – цель, а не побочный продукт»; «мыслить стратегически, действовать демократично»; «служить гражданам, а не потребителям»; «подотчётность – это не просто»; «ценить людей, а не только производительность труда»; «ценить гражданственность и публичную службу выше предпринимательства». [9, с. 553 – 556]. При этом сервисный характер внедрённой модели неизбежно привёл к тому, что сфера новой публичной службы значительно расширилась из государственного сектора в коммерческий сектор.

Однако интенсивное внедрение в практику публичной службы NPM-модели повлекло за собой распространение таких явлений, как второстепенность реше-

ния социальных проблем и, как следствие, повышение уровня социального неравенства и бедности, особенно в развивающихся странах; эрозия роли государства и государственных служащих в общественных отношениях; акцент на универсальности предлагаемых методов реформирования вместо учета институционального контекста каждой страны. Ответом на вызовы, порождённые данными проблемами, стало распространение модели публичного управления «Good Governance». [5, с. 52].

«Good Governance», с точки зрения Организации Объединённых Наций, имеет 8 основных характеристик. «Она является партисипативной, ориентированной на консенсус, подотчётной, транспарентной, отзывчивой, эффективной и действенной, справедливой и инклюзивной и следует принципу верховенства права». [10]. Воплощение модели «Good Governance» сфокусировалось на партнёрских отношениях, в рамках которых политики и государственные служащие принимают решения совместно с другими секторами общества, ориентируясь на человека и на интеграцию автономных возможностей граждан в процессе решения социальных проблем. [5, с. 53]. В результате сфера публичной службы ещё сильнее расширилась в общественный сектор. Важнейшим принципом публичной службы стало не просто оказание рыночных услуг потребителю, а участие и взаимодействие с гражданином.

Несмотря на то, что сама модель «Good Governance» практически изначально интенсивно синтезировалась с моделью «New Public Management», на смену сервисно-менеджеральной модели публичного управления и публичной службы приходит партисипаторная модель. Если в 1990 – 2005 гг. административные реформы в большинстве стран мира ориентировались на подход к публичной службе, рассматривавший работу публичного служащего сквозь призму оказания рыночных услуг населению, то со второй половины 2000-х гг. набирает обороты ориентация на сотрудничество государственных служащих, работающих в органах государственной власти с местным самоуправлением, институтами гражданского общества, коммерческими и некоммерческими организациями, наконец, населением и обеспечением участия различных акторов в единой системе публичного управления. В рамках данного подхода управляемость государства интерпретируется как «система его институциональных способностей, позволяющих обеспечить стабильную, качественную и отзывчивую организацию для безопасности, удовлетворения публичных услуг, состоятельности и справедливости экономического роста». [11, с. 27].

В условиях растущей напряженности в связи с противоречивыми процессами глобализации и регионализации традиционные системы регулирования подвергаются все большему давлению в целях проведения преобразований. А возрастание роли «игроков из бизнеса и гражданского общества» при сохранении значительной роли государства ведёт к тому, что цели «Good Governance» не могут быть достигнуты исключительно «с помощью подхода сверху вниз» («with a top-down approach»). Управление устойчивым развитием требует постижения новых форм социального сотрудничества, которые синтезируют в себе глобальные и локальные уровни объединяя государственные институты, компании и институты гражданского общества. [12, с. 40].

Вектор развития системы публичной службы в партисипаторном русле сопряжён и с глобальным феноменом, который в разных концепциях обозначается как «третья промышленная революция», или как «четвёртая промышленная революция», «индустрия 4.0». [13, с. 106]. В условиях новой технологической революции реалии публичной службы всё теснее сопрягаются с развитием информационно-коммуникационных технологий и демонстрируют нам всё большее смещение всего спектра коммуникативных практик в киберпространство. Согласно данному отчёту, подготовленному занимающимися иссле-

дованиями социальных медиа международными компаниями «We Are Social» и «Hootsuite», опубликованного 30 января 2019 года, аудитория Интернета на тот момент составила 4,39 миллиарда человек. [14]. Тотальное пространство киберпространства и его воздействие на весь массив общественно-политических отношений видоизменяют и практику публичной службы, порождают новые формы политического участия и новые формы участия в публичном управлении негосударственных акторов.

Смещение всего спектра коммуникативных практик в полидискурсивное пространство Глобальной Сети во многом способствует возникновению суммарного эффекта, который А. И. Соловьёв описывает, как «постепенное выведение центров принятия государственных решений за рамки административных иерархий». [15, с. 12]. Безусловно, технологические и социально-политические сдвиги, воздействующие на практику публичной службы в условиях новой индустриальной революции, не только открывают новые возможности, но и порождают новые вызовы и угрозы. Ещё в 2006 году группа британских учёных прогнозировала, что «изменения цифровой эпохи» («digital-era changes») внутри государственной машины будут тесно связаны с ростом автономных возможностей граждан решать социальные проблемы одновременно, но неосознанно, пересекаясь друг с другом контрпродуктивными путями, создавая преимущественно политический беспорядок». [16, с. 489]. В этой связи Патрик Данлеви и Хелен Маргеттс предложили модель цифрового управления государством Digital Era Governance (DEG), основанную на интеграции стоящих перед государством задач в большие базы данных (Big Data), способствующие одновременно централизации и сетевизации управленческих процессов, интенсивное использование в деятельности публичных служащих web-технологий и социальных сетей, ориентацию публичной службы на систематическое удовлетворение потребностей граждан посредством современных технологий. [17]. Реализация публичной службы в рамках данной модели осуществляется в соответствии с принципом сетецентризма. Сетецентризм в широком смысле трактуется как информатизация процессов управления с помощью информационных многоагентных сетей, в которые могут входить как собственные распределённые органы управления и элементы объектов управления, так и внешние центры принятия решений и контрагенты. [18, с. 223]. Российские учёные Г. Л. Купряшин и А. Е. Шрамм предлагают дополнить диалектику сетей данных П. Данлеви и Х. Маргеттс диалектикой «командноцентризма-датацентризма», подчёркивая конвергентный характер развития датацентрических, сетецентрических и командноцентрических компонентов общегосударственных информационно-управляющих систем при интеграции процессов принятия и реализации решений и видя в интеграции, сопровождающейся сетевизацией всех компонентов системы, возможности решения проблем дискреционных полномочий и оппортунизма бюрократии. [18].

Вместе с тем в условиях многополярного мира и разнообразия политических систем нам представляется методологически ценной и мысль Эндрю Чэдвика и Кристофера Мэяо том, что концепция цифрового государства не может исчерпываться одной моделью. Они утверждают, что в современном мире «существуют три основные модели взаимодействия государства и граждан, которые могут лежать в основе практики «электронного правительства» («e-governance»): менеджеральная («managerial»), консультативная («consultative»), партисипативная («participatory»). [19, с. 1 – 2]. Менеджеральная модель «e-governance», которую в российских научных публикациях сегодня также именуют «управленческой» [20, с. 155], ориентирует публичных служащих на эффективное предоставление государственных услуг («efficient delivery of government») и информирование граждан и других групп «пользовате-

лей» («users») этих услуг; совершенствование информационных потоков внутри государства и вокруг него; готовность к контролю за их деятельностью; осознание важности предоставляемых услуг; увеличение «открытости» правительства с целью ускорения информирования; нормативное регулирование и реагирование на потребности «новой экономики»; развитие способности получать и интерпретировать информацию, нивелируя в значительной степени проблемы с использованием различных пользовательских ресурсов; однолинейную модель информации, организованную «сверху - вниз». Консультативная модель «e-governance» опирается на голосование, доступ избирателей и других заинтересованных сторон к правительству, представительство мнений, проведение консультативных референдумов. Решения в рамках данной модели принимаются не столько самими публичными служащими или их «топ-менеджерами», сколько гражданами посредством механизмов «кнопочной демократии» («push-button democracy»), «электронного голосования» («e-voting»), прямой демократии и мгновенных опросов общественного мнения. Особую важность в этих условиях обретают технический доступ граждан к данным механизмам, прямой контакт между публичными служащими и гражданами, реализуемый посредством регулярного общения с помощью киберкоммуникативных технологий и «электронных городских встреч» («electronic town meetings»), формирование повестки дня на основе обратной связи и преодоление технологического «лага» между гражданами и их представителями, возникающего в условиях однолинейной модели информации, допускающей только те исходные данные, которые соответствуют параметрам, уже установленным директивными органами. Партиципативная модель «e-governance» «содержит признание того, что знание дискурсивно, условно, изменчиво» и возникает через взаимодействие. [19, с. 10]. Именно равноправное взаимодействие государственных служащих и институтов государства с различными институтами гражданского общества и участие граждан, организаций и объединений и других акторов социально-политического пространства в публичном управлении составляют основу данной модели. Гражданское общество достаточно удалено от государства, его представители не входят в систему государственной службы, однако это обстоятельство означает не нивелирование роли государственных структур и государственных служащих в процессе реализации публичной власти, а их интенсивное сотрудничество с другими субъектами, обладающими политической инициативой в процессе принятия нормативных документов и административных решений. Важную роль в процессе осуществления публичной службы играют целенаправленные и спонтанные интеракции в киберпространстве с добровольными объединениями граждан и сообществами по интересам. Данные интеракции могут реализовываться с помощью всемирных распределенных дискуссионных систем; получивших в условиях пандемии коронавируса широкое распространение площадок для организации видеоконференций, ярким примером которых является «Zoom»; социальных сетей и мессенджеров; виртуальных досок объявлений; «чатрумов»; файлообменных систем и других органических делиберативных механизмов цифровой эпохи.

ВЫВОДЫ

В целом проведенный нами анализ продемонстрировал, что в последние два десятилетия прошлого века и первые два десятилетия нашего столетия феномен публичной службы в развитых странах мира прошел трансформацию, которая была тесно связана с происходящими в социально-экономическом, социокультурном и технологическом контекстах административно-политическим реформированием системы публичной власти и её концептуальным переосмыслением. Эволюция системы публичной службы прошла достаточно сложный путь, который вначале выразился в преобразовании традици-

онной веберовской линейно-иерархизированной модели в сервисно-менеджерскую модель, а затем в превращении сервисно-менеджерской модели в партиципаторную модель, основанную на принципах сотрудничества и участия в процессе реализации публичной службы различных акторов социально-политического поля. Цифровизация и сетевизация политических процессов и управленческих практик, открывающая широкие технологические и технические возможности для участия в публичном управлении широкого круга экономических агентов, институтов гражданского общества, социальных групп и даже отдельных индивидов, неизбежно усиливает партиципаторный вектор. Однако данное обстоятельство не означает исчезновения государства, государственного управления и его аппарата. Оно означает лишь расширение феномена публичной службы далеко за пределы исключительно государственной службы и диктует потребность в выработке единых правил игры и единых этических норм для всех акторов, участвующих в реализации современного механизма публичной службы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – Т. 2. Общности. – 429 с.
2. Resolution adopted by the General Assembly on 31 October 2003 58/4. United Nations Convention against Corruption [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/en/A/RES/58/4> (дата последнего обращения: 12.12.2020).
3. Гузельми Ж. Место и роль публичной службы в административном праве Франции // Lex Russica. – 2016. – № 1. – С. 14 – 20.
4. Стариков Ю. Н. Службное право России: уже реальность или пока научная гипотеза? // Правовая наука и реформа юридического образования. – 2013. – № 3. – С. 99 – 116.
5. Красильников Д. Г., Сивинцева О. В., Трошкая Е. А. Современные западные управленческие модели: синтез New Public Management и Good Governance // Ars Administrandi. Искусство управления. – 2014. – № 2. – С. 45 – 62.
6. Denhardt J. V., Denhardt R. B. The new public service: serving, not steering. New York, London: M. E. Sharpe, Inc., 2007. – 129 p.
7. Борщевский Г. А. Вектор трансформации института государственной службы на современном этапе // Государственная служба. – 2016. – № 5. – С. 57 – 68.
8. Купряшин Г. Л. Административная реформа: модели и механизмы // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 58. – С. 6 – 38.
9. Denhardt R. B., Denhardt J. V. The New Public Service: Serving Rather Than // Public Administration Review. – 2000. – Vol. 60. – Issue 6. – P. 549 – 559.
10. What is Good Governance [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unescap.org/sites/default/files/good-governance.pdf> (дата последнего обращения: 28.12.2020).
11. Сморгунов Л. М. Государство, сотрудничество и инклюзивный экономический рост // Власть. – 2017. – № 11. – С. 22 – 30.
12. Mihailescu M. E. Public Service in Age of Globalization // Annals of "Dunarea de Jos" University of Galati Fascicle I. Economics and Applied Informatics Years XXI. – 2015. – № 1. – P. 35 – 42.
13. Циренчиков В. С. Цифровизация экономики Европы // Современная Европа. 2019. – №3. – С. 104–113.
14. Kemp S. Digital 2019: global internet use accelerates [Электронный ресурс]. URL: <https://wearesocial.com/blog/2019/01/digital-2019-global-internet-use-accelerates> (дата последнего обращения: 29.12.2020).
15. Соловьев А. И. Политическая повестка правительства, или зачем государство обществу // Полит. Политические исследования. – 2019. – № 4. – С. 8 – 25.
16. Dunleavy P., Margetts H., Bastow S., Tinkler J. New Public Management Is Dead—Long Live Digital-Era Governance // Journal of Public Administration Research and Theory. – 2006. – № 16. – P. 467–494.
17. Margetts H., Dunleavy P. The Second Wave of Digital-Era Governance. A Quasi-Paradigm for Government on the Web // Philosophical Transactions of the Royal Society. – 2013. – № 371. – P. 1–17.
18. Купряшин Г. Л., Шрам А. Е. О принципах датацентризма, сетевизации и командноцентризма в контексте информатизации государственного управления // Государственное управление. Электронный вестник. – 2019. – № 76. – С. 211 – 242.
19. Chadwick A., May C. Interaction between States and Citizens in the Age of Internet: «e-Governments» in the United States, Britain and the European Union // Governance. – 2003. – Vol. 16. – № 2. – DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-0491.00216>.
20. Козлов С. Е. Интернет-активизм как форма политического участия в современной России // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – № 79. – С. 154 – 169.

Статья поступила в редакцию 30.12.2020

Статья принята к публикации 27.05.2021